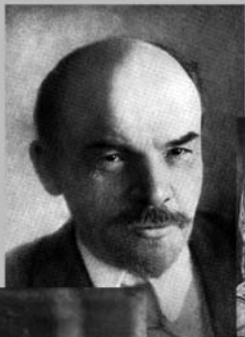

Екатерина ЦАРЕНКОВА,
Наталья ЛАЙДИНЕН

ВЕХИ ЖИЗНИ СЕМЬИ НАППЕЛЬБАУМ

Между оставшимся в прошлом Серебряным веком русской культуры и нашим временем существуют многочисленные мостики, связывающие столь непохожие друг на друга эпохи.

Это не только литературные и художественные произведения, памятники архитектуры, сохранившиеся артефакты, но и люди, через которых, как кажется, дышит и говорит само время.

Одно из таких связующих звеньев – Екатерина Михайловна Царенкова, внучка легендарного российского фотографа Моисея Соломоновича Наппельбаума и дочь прекрасной и загадочной поэтессы Иды Наппельбаум, автора сборников стихотворений и книги воспоминаний. Судьба «патриарха» этой необычной семьи М.С. Наппельбаума удивительна: на протяжении всей жизни уникальный фотограф развивал жанр портрета, постоянно совершенствуя свое мастерство. Именно ему довелось запечатлеть

для истории наиболее значимых деятелей российской культуры, науки, а также ведущих политиков, включая В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, А.В. Луначарского, И.В. Сталина и многих других.

Фотограф-новатор, Наппельбаум никогда не снимал «по шаблону», долгие годы он посвятил поиску собственного стиля «светописи», уделяя особое внимание психологическим аспектам творчества, концептуальной разработке фотографии как особого вида искусства.

Е.М. Царенкова – инженер по профессии, проживает в Гамбурге (Германия), но часто бывает в России, бережно сохраняет и передает память о родных, публикует их воспоминания, занимается генеалогией.

С ней мне удалось побеседовать и задать несколько вопросов о жизни удивительной семьи Наппельбаум.

– Екатерина Михайловна, расскажите, пожалуйста, о семье Моисея Наппельбаума.

– Дед (Мовша Елья Наппельбаум) родился в большой еврейской семье в Минске. Война забрала жизни троих его братьев: один был расстрелян немцами вместе с близкими, другой умер в Москве от болезни, третий погиб во время блокады Ленинграда. Две сестры Моисея Наппельбаума переехали в Москву, обе занимались музыкой. Семья была абсолютно светская, никакого еврейского религиозного образования и воспитания детям не давали. Догадываюсь, что дед говорил на идиш, но при мне этого не происходило никогда, изредка только проскальзывали отдельные фразы или словечки. Мама тоже на еврейские темы предпочитала не беседовать, языком предков она не владела, традиций не знала. Поэтому, когда я в 1990 году впервые попала в Израиль, для меня абсолютно все стало огромным и удивительным открытием.

Довольно рано дедушка, изначально обладавший большим творческим потенциалом, стал учеником в фотоателье Осипа Боретти в Минске. Там он получил первые навыки фотографирования. Он скрупулезно изучал живопись, осваивал приемы старых мастеров, путешествовал по всей России и разным странам, чтобы приобрести профессиональный опыт и найти свой собственный путь. Больше всего его интересовали душа человека, а также композиция и игра света. Ему нравилось снимать некрасивые лица, дедушка старался отразить на фото внутреннее состояние, сделать психологический портрет личности. Кстати, М.С. Наппельбаум экспериментировал и в кино, сотрудничал со студией А.И. Дранкова, одного из пионеров кинематографии, но разочаровался и вернулся к классической фотографии. Творческим исканиям и обретениям посвящена его книга «От мастерства к искусству», которую, кстати, редактировала моя тетя Ольга.

В 1895 году, уже после двухлетней поездки в Америку, дед открыл в Минске фотоателье, а когда почувствовал, что в родных местах его таланту стало тесновато, переехал в Петербург за новым вдохновением, вызвал туда и семью. Они поселились на Невском, в просторной квартире, ставшей его павильоном и одновременно светским салоном, в котором побывали самые видные представители культуры и искусства Серебряного века: А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак, Н.С. Гумилев, С.А. Есенин, М.А. Кузмин, К.И. Чуковский,

М.М. Зощенко... Моисей Наппельбаум всех фотографировал, что позволило сохранить для истории их облики. Дед был немного авантюристом по складу характера, не боялся экспериментов и крутых перемен. Петербург, в отличие от Америки, пришелся ему по душе, стал действительно родным городом.

До сих пор я нахожу что-то новое в его жизни и биографии. Относительно недавно стало известно то, о чем Моисей Наппельбаум предпочитал не распространяться в семье: он сделал немало фотопортретов Сталина, сейчас их можно увидеть в архивах, на отдельных выставках.

– Какая атмосфера царил в семье Наппельбаумов в Петербурге?

– У деда и бабушки было пятеро детей: четыре дочери и сын. Все очень образованные, интересные люди, но при этом очень разные. Моя мама Ида, очень эмоциональный, тонкий человек, в молодости по примеру отца увлекалась фотографией, участвовала в совместных с ним выставках. Вместе с сестрой Фредерикой занималась в поэтической студии «Звучащая раковина» у Николая Гумилева.

До 12 лет мама жила в Минске, и у нее сохранились совершенно чудесные воспоминания о детстве. Мама рассказывала, что, несмотря на не слишком завидное материальное положение семьи Наппельбаумов, в их большом гостеприимном доме собирался цвет общества, жизнь была насыщенной и интеллектуальной. Все вместе отмечали праздники, читали стихи, в театральных костюмах ставили домашние спектакли. Моисей Наппельбаум обожал фотографировать дочерей.

Мамины сестры – поэтесса Фредерика Наппельбаум и автор интересных мемуаров, литературовед Ольга Наппельбаум (Грудцова), оставили свой неповторимый след в русской культуре. А вот Лиля (Рахиль) писала стихи, окончила Литературный институт, была членом Союза писателей, тем не менее всю жизнь переживала, что у нее не было выраженных талантов, ее дневники, хранящиеся в РГАЛИ, – это зеркало внутренней боли и печали. Лев Наппельбаум был одаренным архитектором. Так что атмосфера в семье с самого начала была очень творческой, полной интересного общения, встреч и событий.

– В своем рассказе вы упомянули знаменитую книгу Моисея Наппельбаума «От мастерства к искусству». Расскажите, пожалуйста, о ее необычной истории.

– Это удивительная книга, она содержит массу ценных воспоминаний и наблюдений. К сожалению, дед ее не увидел, она вышла вскоре после его смерти. Публикация совпала со временем травли Пастернака, а в издании было представлено немало исторических фотографий, включая портрет самого Бориса Леонидовича. Когда тираж уже был отпечатан, моему дяде Льву Наппельбауму пришлось заплатить солидный гонорар работникам типографии, чтобы из каждого экземпляра они срочно удалили страницы с фото Б.Л. Пастернака, а заодно – А.А. Ахматовой и С.М. Михоэлса. Всю ночь кипела работа, в которой принимал участие и сам Лев. Иначе шансов дойти до читателя у книги бы просто не было. Чтобы спасти книгу, сделали специальную вклейку, объясняющую, что в издании по техническим причинам нарушена нумерация иллюстраций. У меня дома хранятся оба варианта книги: полная версия и «сокращенная», с утраченными листами.

– Откуда у вашей мамы появились интерес и любовь к поэзии?

– Мама рассказывала, что они с Фредерикой начали сочинять стихи довольно рано, еще в детстве. Сначала все казалось игрой, девочки просто придумывали рифмы. Потом стали писать свои стихотворения, видно, само время стимулировало к творчеству. Да и круг общения у Наппельбаумов был очень литературным, необычным, широким.

Через всю жизнь Ида Наппельбаум пронесла память о поэте, путешественнике, воине Николае Гумилеве, в студии которого она занималась. Все слушательницы были в него влюблены, в том числе красавица Ида, у которой, как поговаривали, были самые изящные руки в Петербурге, объект всеобщего восхищения. Николай Степанович слыл обаятельным, любвеобильным, успевал заигрывать со всеми. Особенно поэта вдохновляло общество молодых и симпатичных женщин. Гумилев считался признанным литературным мэтром, и все относились к нему с большим пиететом.

После ареста в 1921 году Гумилева по подозрению в участии в заговоре «Петроградской бо-

евой организации» В.Н. Таганцева его молодая наивная жена Анна Николаевна, в девичестве – Энгельгардт, боялась носить ему в тюрьму передачи, она попросила об этом одолжения маму. Мама выполняла просьбу Анны до того момента, пока у нее не перестали принимать посылки. А чуть позже они с Ниной Берберовой увидели на Литейном списке расстрелянных, среди которых значился Н.С. Гумилев. Конечно, у них был шок, невозможно было сразу поверить в реальность происходящего.

У мамы дома до 1937 года висел портрет Николая Степановича, который примерно за год до гибели Гумилева написала художница Шведерадлова. Уже после смерти поэта дедушка купил эту картину в подарок маме. Она висела у них с папой (известный литератор, блестящий переводчик Михаил Фроман) на Литейном, потом в квартире на Рубинштейна. В 1937 году поступили сигналы, что держать картину дома опасно. Ее разрезали на кусочки и сожгли в печке у родственников, на Черной речке. Мама эту сцену выдержать не могла, ей стало плохо, казалось, что в печке корчился живой человек. Но история на этом не закончилась, портрет продолжал ее преследовать. В 1951 году именно он стал причиной ареста мамы: по обвинению в его хранении и знакомстве с Н.С. Гумилевым она получила наказание в виде десяти лет лагерей.

Кстати, позднее портрет «воскрес», воссозданный в 1980-е годы художницей Ф.Л. Вязменской по чудом уцелевшей старой черно-белой фотографии и детальным маминым указаниям об оттенках цветов на картине, которые она помнила с абсолютной точностью.

– Ваша мама вспоминала «лагерный» период жизни, рассказывала о нем?

– Маму забрали, когда я училась в девятом классе, это была страшная трагедия. Я была очень правильной и сразу пришла к секретарю комсомольской организации Галине Поздняковой доложить, что у меня арестовали маму. Она, девушка из интеллигентной семьи, выслушала, проявила мудрость и сказала: «Ты мне ничего не говорила, иди и учись дальше». За это я ей благодарна. Окончив школу, я поступила в Институт инженеров водного транспорта. В анкете я указала, что мама – литератор, ничего более. Проблем не возникло.

Ида Наппельбаум отбывала заключение в пе-

20-е годы XX века

40-е годы XX века

Поэтесса Ида Наппельбаум

чально знаменитом Озерном исправительно-трудовом лагере для политзаключенных – Озерлаге, который входил в систему ГУЛАГа. За три с половиной года в Сибири мама пережила всё, включая карцеры, больницу, работала водовозом, валила лес, едва не погибла от пули охранника, но, несмотря на все тяготы, не изменилась как личность, сохранила человечность, доброту. Занималась тюремным театром, самодеятельностью, продолжала сочинять стихи, которые не записывала, а запоминала. После возвращения она обо всем открыто и доверительно говорила со мной, общалась и встречалась с теми, кого знала по лагерям, а также оставила мемуары. В ее книге «Угол отражения» этому периоду посвящена целая глава.

На протяжении долгих лет маминой жизни к нам в дом постоянно приезжали из разных концов страны и мира люди, которые интересовались творчеством Гумилева и Серебряным веком русской культуры – она осталась одной из тех немногих, кто лично знал почти всех выдающихся поэтов и прозаиков, помнил многие подробности

90-е годы XX века

времени. Ида Наппельбаум была очень открытой, доверчивой, умела поддержать беседу, поэтому притягивала к себе разных людей. Кстати, многие из маминых качеств унаследовала и я. Она часто выступала, рассказывала о довоенном времени, обо всем, чему была свидетелем. Сохранились литературные воспоминания мамы на магнитофонных пленках, в виде бесед, с которыми, возможно, еще предстоит поработать будущим исследователям.

**Беседовала
Наталья Лайдинен**

